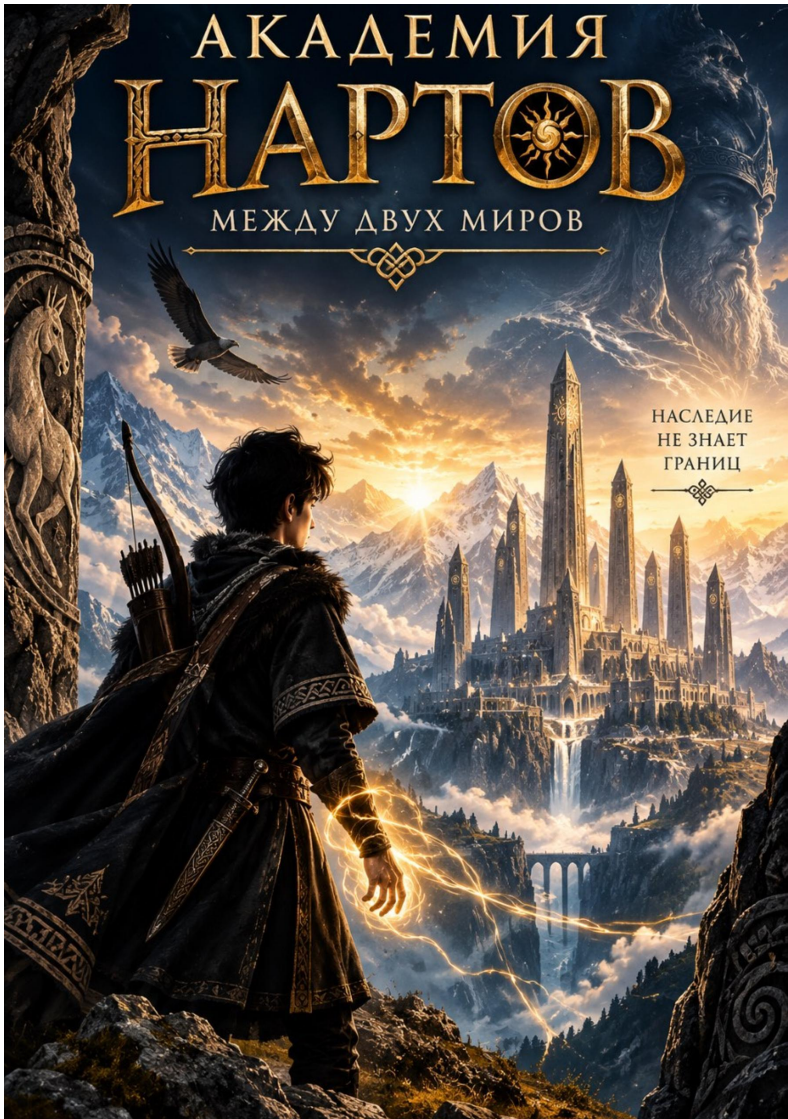

АКАДЕМИЯ НАРТОВ

МЕЖДУ ДВУХ МИРОВ

НАСЛЕДИЕ
НЕ ЗНАЕТ
ГРАНИЦ

Арсен Дариал

Академия Нартов:

Между двух миров

<https://litres.ru/74378392>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцатилетний Алан Сослан привык к тихой жизни в горном ауле: пастбищам, суровым обычаям и рассказам деда о легендарных нартах. Но после встречи с чудовищным чёрным волком в нём пробуждается древняя сила — магия Солнца.

Чтобы научиться владеть опасным даром, Алан отправляется в скрытую среди кавказских вершин Академию Нартов. Там он обретает друзей, соперников и узнаёт, что мир людей лишь часть куда более древней реальности. За стенами Академии уже пробуждается тьма, а таинственный культ Чёрного Солнца ищет того, чья сила способна изменить судьбу Кавказа.

Алану предстоит выбрать: остаться обычным юношей или принять наследие предков и стать защитником двух миров

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арсен Дариал

Академия Нартов:

Между двух миров

Пролог

Там, где гаснет солнце

За много лет до того утра, когда Алан Сослан увидел над родным аулом золотой рассвет, в горах случилась ночь, которой не должно было быть.

Ночь пришла в конце лета — тёплая, сухая, пахнувшая полынью, прогретым камнем и далёким дымом. Луна ещё не успела подняться над хребтом, и ущелье лежало в густой синеве. На дне его шумела река: вода билась о валуны, уходила под корни ольхи, снова выныривала белой пеной. Выше по склону темнели развалины старой сторожевой башни. От неё остались три стены, узкое окно без рамы и трещина, тянувшаяся от основания до самого края крыши. Ни один пастух не ночевал здесь. Старики говорили, что ветер в этих местах умеет повторять человеческие голоса, а тот, кто ответит ему после заката, однажды услышит собственное имя — произнесённое чужими губами.

Мурад не верил старикам. Он вообще старался не верить

ни во что, чего нельзя было коснуться рукой: в хлеб, в нож, в шерсть овцы, в холодную воду. Так было проще. Но, поднимаясь к развалинам, он всё же сжимал в кулаке медную подвеску, которую мать когда-то повесила ему на шею. Подвеска была маленькой, почти стёртой; на ней угадывались кривые лучи, расходившиеся от круга. Когда-то Мурад считал её просто старой безделушкой. Теперь ему хотелось верить, что она способна защитить хотя бы от темноты.

Ему было пятнадцать. Он знал тропы лучше многих взрослых, умел лазать по скалам и не боялся высоты. Однако этой ночью страх поселился в нём не в ногах и не в животе, а где-то выше — под горлом. Он шёл медленно, стараясь не сдвинуть ни одного камня. Дважды ему казалось, что сверху, из-за обрыва, за ним наблюдают. Он оборачивался, но видел лишь чёрные зубья скал и редкие сосны, искривлённые ветром.

У самой башни его встретил человек в сером плаще.

— Ты опоздал, — сказал незнакомец.

Мурад вздрогнул. Голос был негромким, почти спокойным, но слышался так отчётливо, словно говоривший стоял у него за плечом.

— Я пришёл, как велели, — ответил он.

— Это не одно и то же.

Незнакомец стоял боком к нему. Лицо пряталось под низко надвинутым капюшоном. В руке он держал фонарь, закрытый металлическими створками. Сквозь щель пробивал-

ся тусклый свет, не жёлтый, как у масла, а сероватый — будто в фонаре горел пепел.

— Где остальные? — спросил Мурад и тут же пожалел об этом.

Человек в плаще не ответил. Он поднял свободную руку и указал на вход в башню.

— Там, где им положено быть.

Мурад помедлил. Он мог развернуться, скатиться вниз, добежать до реки, спрятаться в лесу. Но в кармане его куртки лежала сложенная вчетверо бумага — короткая записка, принесённая утром незнакомым мальчишкой. На бумаге было написано всего несколько слов: «Приведи сына Хусейна к башне. Иначе его сестра не вернётся домой».

Его сестре Нази было девять лет. Днём она ушла с соседскими детьми к ручью за ягодами и не вернулась. В ауле решили, что девочка заблудилась. Мурад знал: она не заблудилась. Нази боялась темноты и никогда не уходила далеко от дома одна.

Он вошёл в башню.

Внутри было холоднее, чем снаружи. Каменный пол уходил под землю: кто-то расчистил старый лаз и укрепил ступени свежими досками. По стенам тянулись полосы копоти. На каждой третьей ступени лежала маленькая чашка с чёрной солью. Мурад спускался, чувствуя, как с каждым шагом воздух становится плотнее. В нём стоял запах сырости, железа и чего-то сладкого, от чего во рту появлялась горечь.

Внизу, под башней, находилась круглая подземная комната. Наверное, прежде здесь был запас воды: по стенам ещё стекали тонкие струйки, а на купольном потолке блестели влажные прожилки. Но теперь в центре помещения стоял низкий каменный стол, окружённый семью масляными лампами. Их пламя было закрыто тёмными стёклами, и поэтому круг света получался почти чёрным.

У стола ждали трое.

Первой Мурад увидел Нази. Она сидела на полу, прижав колени к груди. Её руки были связаны не верёвкой, а тонкой красной нитью, обмотанной вокруг запястий. Увидев брата, она вскочила.

— Мурад!

Он шагнул к ней, но фигура у каменного стола подняла ладонь.

— Не подходи.

Говоривший был высок и худ, в длинной чёрной одежде без единого украшения. Его лицо закрывала гладкая маска из тёмного металла. Вместо глаз в ней были две узкие прорези; в глубине одной мерцала красная точка, будто от уга сающего угля.

— Я привёл его, — сказал Мурад, сам удивившись тому, что голос не сорвался. — Отпустите сестру.

— Ты привёл себя, — ответил человек в маске. — А это куда полезнее.

У Мурада пересохло во рту.

— Я не понимаю.

— Понимание не нужно, чтобы открыть дверь. Достаточно крови, страха и верности.

— Я не буду...

— Будешь.

Второй человек, стоявший у стены, сделал шаг вперёд. Мурад не видел его лица — только широкие плечи и кожаные перчатки. В его руке был короткий нож. Не угрожая, не торопясь, он провёл лезвием по воздуху, и тонкая полоска красной нити на запястьях Нази вспыхнула слабым багровым светом. Девочка вскрикнула, будто нить обожгла ей кожу.

— Не трогайте её! — Мурад рванулся вперёд.

Его удержали не руки. Холодная тяжесть навалилась на плечи и прижала к полу так резко, что колени ударились о камень. Он попытался выпрямиться — тщетно. Воздух вокруг будто стал водой, и эта вода давила со всех сторон.

Человек в маске наклонил голову.

— Твоя сестра уйдёт домой прежде рассвета. Если ты сделаешь то, ради чего тебя выбрали.

— Почему я?

— Потому что твой страх чист. Он ещё не научился притворяться мужеством.

Мурад хотел плюнуть ему в лицо. Вместо этого он опустил взгляд и увидел под ладонью выбитый в камне знак: круг, перечёркнутый семью кривыми линиями. Внутри круга не

было света. Он был заполнен чем-то чернее самой тени — так глубоко, что взгляд словно проваливался туда.

— Что это? — прошептал мальчик.

— Память о времени, когда солнце знало своё место, — ответил человек в маске. — До того, как слабые начали называть свет добром, а тьму — злом.

— Моя мать говорила, что это знак проклятых, — выдохнула Нази.

В подземелье стало тихо.

Мурад поднял на сестру глаза. Она испугалась того, что сказала, но не отвела взгляда. В этот миг он понял: она тоже ждёт от него не силы, не чуда — только того, что он не оставит её одну.

Человек в маске медленно повернулся к девочке.

— Твоя мать была мудрее, чем ей позволяла её жизнь.

Он вытянул руку. Одна из тёмных ламп погасла.

— Но она ошибалась. Нет проклятия в том, что было отнято несправедливо.

— Что вы хотите открыть? — спросил Мурад.

— Не что. Кого.

Чёрный круг на полу дрогнул. Сначала Мураду показалось, что это всего лишь игра света. Потом из вырезанного знака поднялся тонкий дым. Он не рассеивался под толком, а стлался по камню, медленно обвивая их лодыжки. Там, где дым касался воды на полу, вода покрывалась ледяной коркой.

Человек в сером плаще, встретивший Мурада у башни, вынул из-за пазухи свёрток, обёрнутый грубой тканью. Он развернул его осторожно, почти благоговейно.

На столе оказался камень величиной с ладонь. На первый взгляд — обычный кусок обсидиана, неровный, с режущими краями. Но внутри него, под тёмной гладью, что-то медленно пульсировало: то ли глубокая трещина ловила отблески ламп, то ли в камне билось крошечное, злое сердце.

— Семя, — произнёс человек в маске. — Последний осколок Погасшего Света.

— Академия забрала остальные, — тихо сказал человек в сером.

— Академия умеет прятать предметы. Но она не умеет отменять обещания, данные кровью.

Мурад слышал слово «Академия» и прежде. Им пугали малышей — не всерьёз, а так, как пугают лесным зверем: мол, будешь лениться, за тобой придут люди из скрытой долины и заберут учиться магии. Другие говорили о ней шёпотом и совсем иначе: будто там берегут старые знания, лечат тяжёлые болезни, а иногда среди зимы зажигают на перевале огонь, чтобы путник не погиб в метели. Мурад никогда не знал, кому верить. Но теперь, глядя на чёрный камень, он вдруг понял, почему о таких вещах говорят тихо.

— Я не маг, — сказал он. — Я ничего не могу.

— В этом и достоинство детей, — ответил человек в маске. — Вы ещё не знаете пределов того, что можете.

Он кивнул широкоплечему человеку. Тот приблизился к Мураду и взял его левую руку. Ладонь была тёплой, сухой. Нож коснулся кожи.

— Нет! — закричала Нази.

Мурад зажмурился. Боль оказалась короткой, почти нестрашной. Но несколько капель крови упали на вырезанный знак, и подземелье содрогнулось.

Семь ламп вспыхнули разом.

Их пламя вытянулось вверх, сделалось чёрным и тонким, как семь пальцев. Вода по стенам остановилась. Ветер, которого не могло быть под землёй, пронёсся над полом, закружил пыль и погасил последнюю обычную искру в фонаре. На миг наступила полная тьма.

А потом из круга поднялся свет.

Он был чёрным — и всё же светом. Он не освещал стены, а отнимал у них цвет. Камень стал серым, лица людей — бледными, кровь на руке Мурада — почти бесцветной. Лишь медная подвеска на его шее вдруг загорелась тёплым, настоящим золотом.

Человек в маске резко повернул голову.

— Откуда это у тебя?

Мурад не успел ответить. Подвеска нагрелась так, что обожгла грудь. Он схватился за неё, но круг на полу уже тягивал его взгляд. В глубине черноты что-то двигалось. Не тень и не дым — огромный силуэт, слишком широкий для тесной комнаты, с двумя огненными точками там, где долж-

ны быть глаза.

Голос пришёл не через уши. Он возник внутри головы — тяжёлый, древний, похожий на гул камнепада.

Кто зовёт?

Нази заплакала. Человек в сером отступил на шаг. Даже широкоплечий мужчина побледнел.

Только человек в маске не дрогнул.

— Те, кого лишили наследия, — сказал он. — Те, кто помнит первое соглашение.

Соглашение нарушено.

— Оно будет восстановлено.

Солнце ещё не погасло.

Тогда человек в маске положил на каменный стол обсидиановое Семя и с силой прижал его ладонью.

— Мы найдём того, в ком оно горит.

Чёрный свет взметнулся. Мурад успел увидеть, как на стенах проступили чужие картины: семь башен на фоне сияющего неба; женщина с младенцем на руках; седой старик, стоящий у двери каменного дома; юноша на уступе над ущельем, повернувший лицо к рассвету. Всё мелькало, наслаиваясь одно на другое, будто чья-то огромная рука листала страницы книги слишком быстро.

Потом картины исчезли. Осталась лишь одна.

В чёрной глубине зажглось маленькое золотое пятно.

Оно было далеко — так далеко, что Мурад не смог бы сказать, где именно. Но он почувствовал запах хлеба, дыма и

мокрой овечьей шерсти. Услышал детский смех, звон колокольчиков на стаде, стук деревянной двери. А вслед за этим — мерный, ровный удар сердца. Сильный. Упрямый. Живой.

Человек в маске выдохнул.

— Вот он.

— Кто? — едва слышно спросил человек в сером.

— Не кто. Пока ещё — где.

Он поднял руку. От чёрного света отделилась тонкая тень. Она скользнула по полу к дальнему углу комнаты и начала расти. Сначала была размером с кошку, затем — с крупную собаку. У неё появились лапы, выгнутая спина, длинная морда. Шерсть, чёрная и густая, словно впитывала в себя свет ламп. Когда зверь поднял голову, Мурад увидел красные глаза.

Волк не рычал. Он смотрел на человека в маске так, как смотрит хорошо выученный пёс на хозяина.

— Иди, — сказал тот. — Найди след. Не убивай носителя. Пока нет. Пусть испугается. Пусть откроет то, что носит в себе. Нам нужен не мальчик — нам нужно его пламя.

Волк наклонил голову.

А если его защитят? — раздался в сознании Мурада тот же низкий голос, но теперь он звучал ближе, хищнее.

— Тогда мы узнаем, кто ещё помнит клятву света.

Мурад понял, что зверь слышит не только приказ. Он чувствует их всех: его страх, дрожь Нази, жадное ожидание лю-

дей у стола. Волк повернул голову к мальчику и сделал шаг.

Медная подвеска на груди Мурада вспыхнула так ярко, что он закрыл глаза. Вспышка не была большой — всего лишь короткий золотой удар, — но волка отбросило к стене. Зверь ударился боком о камни и взвыл. В этом вое не было боли животного; он звучал, как треск льда над глубокой водой.

Подземелье задрожало сильнее.

— Что ты сделал? — прошипел человек в маске.

— Ничего, — выдохнул Мурад.

Он и в самом деле ничего не сделал. Но подвеска продолжала светиться. Её тонкие лучи, стёртые временем, вдруг стали ясными. В центре круга проступил знак, которого Мурад раньше не замечал: птица с расправленными крыльями, летящая к солнцу.

Серый человек побледнел.

— Это знак хранителей.

— Молчать.

Впервые в голосе человека в маске прозвучал страх. Он шагнул к Мураду, но золотой свет ударил снова. Лампы лопнули одна за другой. Чёрный дым рванулся к потолку, и с грохотом обвалилась часть старой кладки.

Нази закричала. Мурад бросился к ней. Давящая тяжесть, державшая его у пола, исчезла. Он перерезал красную нить осколком лампы, схватил сестру за руку и потащил к лестнице.

— Беги! — крикнул он.

Они взлетали по ступеням, скользя на мокром дереве. Снизу доносились голоса, ругань, чей-то приказ. Где-то позади глухо зарычал волк. Мурад не оборачивался. Он думал только о том, что Нази рядом, что пальцы её маленькой ладони сжаты в его руке, что до выхода осталось ещё немного.

Они выбрались наружу в тот момент, когда башня выдохнула чёрным дымом из узкого окна. Над ущельем уже занимался рассвет. Первая полоса света коснулась дальнего хребта, и снег на вершинах стал розовым.

Нази упала на колени в траву, кашляя и плача. Мурад сел рядом, прижал её к себе и только теперь почувствовал, как дрожит всё его тело. Подвеска на груди остыла. Она снова была обычной старой медью, потемневшей от времени.

Из башни никто не вышел.

Но на противоположном склоне, среди редких сосен, Мурад увидел волка. Чёрный зверь стоял неподвижно, почти сливаясь с тенью. Его глаза уже не были красными. В них отражался рассвет — маленькими золотыми отблесками.

Волк посмотрел на детей, затем отвернулся и бесшумно исчез в лесу.

Мурад не знал, куда он ушёл и кого искал. Он не знал, что далеко отсюда, за хребтами и долинами, в одном горном ауле рос мальчик, которому суждено было однажды увидеть во сне семь башен и услышать зов, старше любой человеческой памяти.

Он знал только одно: солнце взошло.

А значит, тьма не победила — ещё нет.

Над горами медленно разгорался новый день. Ветер нёс запах полыни, воды и далёкого дыма. А в лесу, куда не достигали первые лучи, чёрный волк шёл по следу света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.